

- чев А.И. Роль кратковременной памяти в ретроспективном анализе произвольно воспринятой информации // Вопросы психологии. 1985. № 2. С. 151-154; Веселова В.В. Как задавать "правильные вопросы"? // Магистр. 1991. № 11. С. 33-37; Легостаева О.В. О взаимосвязи языка и мышления // Философия науки. 1990. № 2. С. 37-40; Прядехо А.А. Алгоритм развития познавательных способностей учащихся // Педагогика. 2002. № 3. С. 8-15; Карпова Е. Развитие интеллектуальных способностей учащихся // Воспитание школьников. 2000. № 8. С.40-41; Бакулин И.И. Психологические подходы в понимании сущности способности // Журнал практической психологии. 2002. № 3. С. 2-11; и др.
14. Иванова О.В. Проблемное обучение в курсе истории // Преподавание истории в школе. 1999. № 8. С. 16-21.
 15. Дроздовская И.С. Развитие творческих способностей и личности учащихся // Преподавание истории в школе. 2001. № 6. С. 34-37.
 16. Савенков А. Исследования детей как средство обучения // Обруч: Образование, Ребенок, Ученик. 1998. № 3. С. 27; Олесина Е.П., Субботина Ю.В., Лозовенко Л.И. Ученик на уроке обществознания: опыт творческой деятельности // Обществознание в школе. 1997. № 4. С. 39-44; Баранов П.А. Основные измерители уровня обществоведческой подготовки учащихся // Обществознание в школе. 1998. № 2. С. 22-26.
 17. Меерович М., Шрагина Л. Широкие возможности ТРИЗ // Народное образование. 1997. № 9. С.49-51; Меерович М., Шрагина Л. Управляемое воображение // Народное образование. 2000. № 9. С. 141-152.
 18. Симонов В. Задача как личностно-развивающая ситуация // Народное образование. 1997. № 9. С. 62-64.
 19. Белюшина Т.А. Использование развивающих комплексных заданий // Преподавание истории в школе. 2004. № 9. С. 52-54.
 20. Лискова Т.Е. Теоретические основы конструирования профессионально направленных познавательных заданий по обществознанию // Обществознание в школе. 1999. № 4. С. 56-60.

Побережников И.В.
(Екатеринбург)

**Теоретико-методологические проблемы
модернизационного подхода**

В современном отечественном обществоведении наибольшей популярностью пользуются три социологические макротеории: формационная, цивилизационная и модернизационная. Активное освоение последней началось относительно недавно, лишь в постсоветской России. При этом интерес к модернизационной парадигме во многом объясняется надеждами на ее познавательную эффективность при изучении той коренной политической, экономической и социокультурной трансформации, которая началась в стране с конца 1980-х гг.

Модернизационная парадигма была сформулирована в середине XX в. В 1950 — начале 1960-х гг. различные аналитические течения и теоретические традиции объединились в единую междисциплинарную компаративную перспективу (теория, или точнее теории, модернизации). В дальнейшем, на протяжении второй половины XX века, в рамках модернизационной перспективы был накоплен значительный теоретико-методологический и эмпирический опыт изучения различных аспектов, в том числе исторических, перехода от традиционного к современному, индустриальному обществу. Сторонники модернизационного подхода рассматривает процесс модернизации как сложную, многомерную трансформацию, которая охватывает различные уровни общества от экономики и политики до культуры. Проявлениями модернизации принято считать становление капиталистической экономики, индустриализацию, урбанизацию, демократизацию, секуляризацию и т.д. К числу важных проблем модернизационного подхода следует отнести вопросы, касающиеся идентификации хронологических рамок и внутренних рубежей модерна, источников, факторов и механизмов модернизации.

Традиционное общество. Проблема предмодернити

Серьезной проблемой в рамках модернизационного анализа является определение начальной границы модернизации, выявление предпосылок модернизации в предшествующих социальных состояниях. Очевидно, что эпоха модерна не отделяется четко от пред-modernity. Предпосылки модернизации обнаруживаются в глубинах истории, в частности, в классической греческой и римской античности, в раннем христианстве, в итальянском и северном Возрождении с их растущей денежной экономикой, товарным оборотом, дифференциацией социальных сфер, все более и более расширяющимся индивидуализмом и зарождением абстрактного мышления.

Домодерную эпоху не следует рассматривать как статическую. Дело в том, что модернизация не являлась первым или единственным динамическим процессом в истории человечества. Эпоха modernity — лишь одна из эпох, в рамках которой изменения получили заметное ускорение.

В связи с этим особую актуальность приобретает дифференцированный анализ предмодерных обществ. Хорошо известно, что сторонники классических модернизационных теорий не уделяли значительного внимания разнообразию предмодерных обществ, которые обычно трактовались как традиционные. Между тем, возможности и перспективы модернизации существенно зависят от состояния предпосылок, накопленных в домодерный период, от потенциала традиционных обществ. При этом важным критерием модернизации является наличие/отсутствие в домодерных обществах культурных ценностей и социальных институтов, способных отвечать на вызовы современности, адаптироваться к функциональным потребностям «модернити».

В этой связи представляет интерес попытка типологии домодерных обществ, предпринятая Гидеоном Шобергом (1). Автор предлагает выделять два типа традиционных обществ — «народное» и «феодальное». Идеал-

типическая модель «народного общества» (folk society) была предложена Р. Редфилдом применительно к небольшим, изолированным, бесписьменным и гомогенным обществам, характеризующимся сильным духом солидарности. Для эффективного функционирования «народных обществ» чрезвычайно важны первичные групповые связи, особенно родственные. Данные общества характеризуются минимальным разделением труда и отсутствием классовой стратификации. Ценностная ориентация имеет священную природу, а действия членов общества имеют тенденцию к строгому соответствию коллективистским нормам.

Модель «народного общества» в наибольшей степени отвечает образу жизни так называемых «примитивных» обществ. В то же время, как справедливо отмечает Г. Шоберг, данная модель теряет свою эффективность, когда ее начинают применять при изучении более сложных обществ Азии, Европы или Латинской Америки, — обществ «письменных», «крестьянских».

Г. Шоберг пытается сконструировать теоретическую модель традиционного общества, как раз соответствующую этим более продвинутым обществам. Автор идентифицирует более сложное традиционное общество как «феодальное» (при этом он подчеркивает социологическую природу предлагаемого концепта, отличающегося от более узкого понятия феодализма, которое разделяют историки-медиевисты, обычно связывающие данное понятие с системой сеньориально-вассальных отношений, существовавшей в чистом виде лишь в средневековой Западной Европе). По мнению Шоберга, феодальное и народное общества обладают сходными чертами — статичностью, священным характером ценностных ориентаций.

В то же время феодальное общество, в отличие от народного, характеризуется гораздо большей гетерогенностью и сложностью. Ему присущи четкая классовая или кастовая стратификация и наличие сложных государственных, образовательных и экономических институтов, требующих широкого разделения труда. Кроме того, феодальное общество имеет существенно большую демографическую и территориальную основу.

Г. Шоберг характеризует феодальное общество как преимущественно крестьянское. Крестьяне проживают в небольших поселениях и получают средства к существованию прежде всего за счет интенсивной обработки земли при помощи примитивной техники. Деревни формируют опорную сеть феодальной системы. В то же время, как подчеркивает Г. Шоберг, крестьянские селения не изолированы друг от друга.

В отличие от членов народных обществ, крестьяне производят достаточный избыток продуктов для обеспечения ограниченного числа концентраций населения, представляющих собой фокусы феодального общества. Это города, возникающие как политические, религиозные и торговые центры, социальную роль которых Шоберг оценивает весьма высоко. Жизнь в феодальном городе отличается от деревенской жизни. Кроме того, феодальные города связаны друг с другом. При этом, конечно, уровень коммуника-

ций в феодальном обществе еще существенно уступает уровню коммуникаций индустриального общества.

В феодальных городах проживают представители элиты, в частности, чиновники, священнослужители, ученые, знать, землевладельцы, представители воинских сословий. При этом уникальное культурно-историческое развитие конкретного социума определяет состав элит, который варьируется не только между обществами, но и подвергается со временем изменениям в рамках одного общества. В феодальном обществе получает развитие более сложное, по сравнению с народным, промышленное производство — ремесло.

Рассматривая процессы индустриализации и урбанизации в феодальных обществах, Г. Шоберг обращает внимание на сопротивление феодальных структур как в Азии, так и в Европе. Особенностью модернизации феодальных обществ автор считает наложение индустриально-урбанистической структуры на существующую феодальную, которая может до некоторой степени сохраняться. В связи с этим возможны бифуркации в пределах обществ, хотя и в различной форме и с весьма различными эффектами. Эмпирическое подтверждение указанной возможности Г. Шоберг обнаруживает в таких странах как Франция и Италия, где крестьянские анклавы увековечивали феодальную организацию. Ситуация усложнялась присущей феодальным обществам перенаселенностью, соединенной с сопротивлением элит, не желавших изменений. Следствием подобных обстоятельств становилось сосуществование двух обществ, «множественной» (многоукладной) экономики и дуалистической социальной структуры. Очень важен вывод Шоберга о том, что модернизация ведет, скорее, к модификации, а не к разрушению феодальных обществ (в этом плане судьба народного общества, напротив, исчезающего в процессе модернизации, представляет противоположность судьбе феодального общества). При этом автор не отрицает, что, вне зависимости от конечного результата, наложение индустриально-городского общества на уже разработанную социальную организацию феодального общества будет сопровождаться дезорганизацией, серьезными напряжениями и конфликтом.

Дифференцированный подход, предложенный Г. Шобергом, для анализа традиционных обществ, более плодотворен по сравнению с органическими концепциями традиционности. Тем не менее, он может быть развит с целью конструирования более диверсифицированных субмоделей традиционного общества, применимых к различным регионально-локальным, этносоциальным, профессиональным сообществам эпохи становления современного общества. При этом необходимо учитывать неравномерность развития социальных страт, возникновение сети сложных взаимоотношений между ними с очевидными обоюдными влияниями, модифицирующими характеристики взаимодействующих социальных групп.

Социокультурный фактор модернизации

Культура выполняет важнейшие социальные функции, в частности, такие как обеспечение непрерывности, преемственности, эстафетности в общественном развитии; создание условий для социальной интеграции; формирование мотивационных механизмов для разнообразных типов человеческой деятельности. Можно утверждать, что культура пронизывает все человеческое поведение и мышление, все социальные отношения. Верно также и то, что социальные отношения имеют культурную природу. Данное обстоятельство актуализирует проблему функционирования культуры в условиях модернизации. Понятно, что в процессе модернизации подвергается трансформации сама культура. Но не менее важен вопрос о готовности культуры (культуры как предмодерного, так и модерного общества) к изменениям.

В связи с разнообразием традиционных обществ можно говорить о культурах с разным уровнем готовности к инновациям. Интересная попытка дифференциации традиционных культур была предложена Д. Эптером (2). Последний предложил различать два типа традиционализма, традиционных культур. Первый тип получил наименование инструментальной культуры, второй — консамматорной. Д. Эптер возводит предлагаемые концепты к категориям «когнитивно-инструментальные» и «экспрессивно-интегративные ценности», выделенным Т. Парсонсом.

«Инструментальным» системам присущи значительные сектора промежуточных задач, отделенных и независимых от конечных целей. «Консамматорные» же системы характеризуются тесными взаимоотношениями между промежуточными и конечными целями. В консамматорных системах с их всеобъемлющей связанностью, интегративностью любое изменение радикально трансформирует ритуалы, принятые социальные практики, формы социальной стратификации, властные отношения, религиозные обряды, связанные собственно с предметом новации, что не позволяет трактовать нововведение ограниченно, например, только в терминах увеличения эффективности соответствующего типа деятельности. В рамках инструментальной системы, напротив, инновация будет рассматриваться в терминах ее полезности, эффективности; ее внедрение не будет оказывать далеко идущих воздействий на конечные цели системы (соответственно, новшество не будет представлять угрозу для системы в целом; напротив, более вероятно, что новшество будет способствовать усилению системы).

К инструментальным системам относятся те, которые могут легко вводить инновации, распространяя покровы традиции непосредственно на изменение. Типичным примером инструментальных систем Д. Эптер считает военизированные системы с иерархической организацией власти, исходящей от авторитарного лидера (авторитарно-командные системы). Для таких обществ характерна ориентация руководителей на исполнительность и эффективность. В подобных обществах религия обладает вторичным статусом по отношению к государству и государю.

Консамматорные системы отличаются гораздо большей сложностью. В них общество, государство, власть и пр. социальные компоненты выступают частями тщательно поддерживающейся, высоко-интегрированной системы, в рамках которой религия является руководящим познавательным ориентиром. Такие системы обычно враждебны инновациям. Изменения приводят к фундаментальным социальным переворотам в консамматорных системах.

Естественно, выделенные типы являются идеальными. Задача историка — провести сопоставление между идеальными конструкциями и реальными культурно-историческими массивами.

Механизмы модернизации

Большую популярность в рамках модернизационного подхода получила модель структурно-функциональной дифференциации, призванная объяснить механизм перехода от традиционного к обществу модерна. В рамках данной модели процессы структурной и функциональной дифференциации трактуются как неизбежные, «естественные». Сторонники данной модели признают возможность некоторого замедления, торможения или даже временной приостановки модернизации, которая, тем не менее, все равно в конце концов должна найти продолжение (для этого необходимо лишь выявить и устранить, минимизировать воздействие тормозящих структурно-функциональную дифференциацию факторов).

Окончательное оформление схема структурно-функциональной дифференциации в контексте модернизации получила в трудах Нейла Смелзера (3). Н. Смелзер определяет структурную дифференциацию как процесс, посредством которого «одна социальная роль или организация... дифференцируется в две или более роли или организации, которые функционируют более эффективно в новых исторических условиях»; «новые социальные единицы структурно различны, но в совокупности являются функциональным эквивалентом первоначальной (неразделенной. — *И.П.*) социальной единицы»; т.е., согласно Н. Смелзеру, это переход от многофункциональной ролевой структуры к набору более специализированных структур (4).

Смелзер предлагает рассматривать структурную дифференциацию широко, не ограничивая ее лишь технологической специализацией. По мнению ученого, структурная дифференциация тесно связана с социальным процессом модернизации в целом; данная связь обнаруживает себя в том, что для каждой социальной функции можно подобрать определенный набор структуральных условий, при наличии которых достигается оптимум в ее обслуживании. Таким образом, модель структурной дифференциации позволяет представить модернизацию как процесс приобретения структурной независимости социальными функциями. Традиционные социальные единицы, по мнению Н. Смелзера, выполняли множество разнообразных функций. По мере же модернизации возникают специальные социальные единицы для сепаратного осуществления социальных функций.

Вопрос о месте и роли механизма структурно-функциональной дифференциации в контексте модернизации был существенно пересмотрен в работе Я. Мураками, посвященной японскому варианту перехода от традиционного к индустриальному обществу (5). Ученый утверждает, что любое человеческое общество основано на двух главных принципах — принципах интеграции и дифференциации. При этом автор отмечает, что в теориях модернизации до сих пор внимание акцентировалось на дифференциации в ущерб понятию интеграции. Я. Мураками указывает на относительное значение дифференциации как показателя прогресса. Дело в том, что, с одной стороны, необходимо учитывать цену реинтеграции подсистем новой социальной системы, возникшей в результате дифференцирования прежней системы. Функциональная эффективность системы, как отмечает Я. Мураками, в целом улучшится или ухудшится в зависимости от того, будет ли выгода дифференциации превосходить или уступать цене реинтеграции. Я. Мураками приводит исторические примеры чрезмерного, убыточного дифференцирования (бесчисленные субкасты (джати) в Индии; сложившаяся в рамках британской традиции рабочего движения трудовая организация по типу ремесленных союзов). Автор, таким образом, доказывает, что большая дифференциация системы не всегда способствует росту ее адаптивного потенциала — точнее, эффект увеличения адаптивности может быть произведен лишь соответствующим комбинированием дифференциации и интеграции.

Я. Мураками подчеркивает существенную роль в процессах модернизации механизмов интеграции. Например, выделение экономической и политической подсистем в результате дифференциации общества было значимым процессом на ранних стадиях капиталистической индустриализации, но все это сопровождалось — фактически предшествовалось — политической интеграцией, становлением «национального государства», развитием современной бюрократии. Модерное (или индустриальное) общество, таким образом, должно быть охарактеризовано двумя противодействующими силами: тенденцией дифференциации, отделением экономики от государства, ростом разделения рабочей силы, с одной стороны, и тенденцией интеграции в национальное государство, сопровождающейся бюрократизацией.

Более того, Мураками предлагает в целом рассматривать эволюцию человеческих обществ как процесс, подталкиваемый силами дифференциации и интеграции, сосуществующими и вступающими в постоянное взаимодействие. Исследователь выделяет в истории человечества эпохи доминирования сил дифференциации или интеграции. Так, период от неолитической революции до становления протоцивилизаций характеризуется, по мнению ученого, превалированием тенденции дифференциации (Мураками имеет в виду, в первую очередь, «выделение» различных организационно-управленческих единиц — от клановых структур до чифдома, царства и теократии). Эпоху исторических цивилизаций или «осевого времени» (по терминологии К. Ясперса), включающую греко-римскую, индскую и китайскую

цивилизации, Я. Мураками рассматривает как период, в течение которого тенденция интеграции доминировала над силами дифференциации, что, по его мнению, может объяснить очевидную стагнацию этих исторических образований. Тенденция дифференциации вновь возобладала в Европе примерно в XVI в. в процессе индустриализации. Однако данный процесс, как подчеркивает Я. Мураками, не может осуществляться без некоторого уровня постоянных интегративных усилий (6).

В эпоху индустриализации тенденция дифференциации наиболее отчетливо проявляется в экономической системе, в то время как первоначальным и окончательным рычагом для интеграции выступала политическая система. Именно хронологическая последовательность политической интеграции и индустриального взлета отличает модернизирующиеся общества друг от друга. В связи с этим Я. Мураками выделяет два региональных типа модернизации. Первый тип нашел воплощение в Англии и многих бывших британских «белых колониях», особенно в Соединенных Штатах Америки, где политическая интеграция предшествовала индустриальному взлету. Такая положительная синхронизация обеспечивала, как иллюстрирует пример Англии, наиболее типичный, эволюционный, автономный рост базирующейся на развитых рыночных отношениях индустриализации в относительной гармонии с парламентской демократией. В этом англо-американском случае основной аксиомой для социального развития выступал принцип *laissez-faire*, т.е. невмешательства государства в сферу экономики.

В случае более поздних европейских последователей модернизации типа Германии, Франции, Италии политическая интеграция отставала если не по форме, то по существу от индустриализации. Процесс политической интеграции должен был совпадать с процессом «догоняющей» индустриализации. Соответственно, в этом континентальном варианте государство не только осуществляло прямое вмешательство в экономику с целью ускорения процессов развития, но и развитие самой политической системы неоднократно прерывалось, заканчиваясь в некоторых случаях перестройкой системы (7). В западных обществах соотношение между политической интеграцией и индустриализацией было, как полагает Я. Мураками, еще менее благоприятным.

Существенное внимание ученый уделяет интеграции на так называемом промежуточном уровне. Дело в том, что любое индустриальное общество по своей природе является крупномасштабным и сложным. Национальное государство создает рамочную структуру, а рыночный механизм и парламентская система выступают в качестве обычных инструментов для координации разнообразных интересов в пределах этой структуры. Однако зачастую данных механизмов оказывается недостаточно, чтобы интегрировать многообразные интересы и мнения. Следовательно, по мнению исследователя, любое крупномасштабное общество нуждается в определенной интегра-

ционной системе на промежуточном уровне (организация между обществом в целом и минимальной базовой единицей вроде семьи).

Хорошо известно, что в доиндустриальных обществах каждая сельскохозяйственная община играла по существу интегративную роль в качестве промежуточной организации. Однако, этим пред-современным организациям преимущественно была присуща аскриптивная ориентированность (то есть они базировались на родственных отношениях или привязке к земле) и «диффузность» (отсутствие специализации). Следовательно, такая промежуточная организация аграрного общества не обладала возможностями модифицироваться в ключевую организацию индустриального общества типа фирмы, бюрократических институтов, которые должны были быть функционально рациональными (то есть ориентированными на достижение) и функционально-специализированными. Другими словами, организационная традиция в большинстве случаев при переходе от традиционного к модерному обществу должна была прерываться.

Японское общество, по мнению Я. Мураками в этом отношении представляло исключение. Японская история разработала уникальную промежуточную организацию — это общность *йэ*, буквально домашнее хозяйство, была диффузной, подобно сельским общинам в других обществах, но в то же самое время для нее была характерна ориентация на достижение. Первоначально *йэ* являлась военной (самурайской) организацией, возникшей в восточной Японии в XI в. Восточная Япония в то время была пограничной территорией, где контроль со стороны центрального правительства был неэффективным, а большинство земель еще не обрабатывалось. Военные столкновения были частыми, иногда они выражались в восстаниях, направленных против центрального правительства в Киото. Только сплоченная организация, обладающая достаточной способностью к самообороне, а также к производству продовольствия, могла выжить в такой пограничной ситуации. Таким образом, некоторые самураи организовывали свои поместья, объединяя группы людей, составленных из родственников, слуг и крестьян. В подобной организации все члены, включая воинов и крестьян, должны были сотрудничать как в ирригации, так и в военном деле: воины непосредственно управляли сельским хозяйством и особенно ирригационными работами и распределением воды, в то же время крестьяне были заняты в военных действиях в качестве пехотинцев.

«Тесное сотрудничество среди всех членов, от вершины до основания, неполное отделение военных профессионалов от земледельцев, и сильное чувство внутригрупповой однородности являлось характерной особенностью этой японской общности, представляющей контраст по сравнению с европейским аграрным обществом, в котором военные профессионалы (рыцари или феодалы) и крестьяне были уже четко отделены к VIII столетию и феодалы культивировали свой отчетливо отличный образ жизни», — заключает Я. Мураками (8).

При этом автономия или независимость каждой *йэ*-организации была намного большей по сравнению с сельскими общинами в Европе. Например, судебная власть в пределах каждой *йэ* была полностью сосредоточена в руках главы этой организации. *Йэ* развивалась на протяжении нескольких столетий. Будучи первоначально небольшой по размерам со временем она разрасталась, пока не появилась сменившая ее большая и более сложная организация даймё. При этом в процессе эволюции, как подчеркивает Я. Мураками, «основной образец *йэ* поддерживался путем «репликативного расширения». Суммируя характеристики *йэ*, сохраненные в течение этого процесса, Мураками сводит их к следующим:

1. Коллективная цель: преемственность и расширение группы, которая символизировалась непрерывной последовательностью лидеров группы.
2. Членство: «kintractship» (термин, объединяющий родство—kinship и контракт), что означает, что никто не должен оставлять организацию, если он/она выбрали ее; фактически основные члены были в значительной степени связаны родством. Однако приняты были и другие методы рекрутирования на работу способных новых членов, помимо родственных связей.
3. Баланс иерархии/однородности: все члены были организованы в иерархическую структуру, главной целью которой прежде всего была военная эффективность. В то же самое время однородность среди членов подчеркивалась, чтобы сохранить солидарность группы — через ряд мер типа содействия продвижению по службе, ритуала поклонения предкам (точнее, поклонения основателю *йэ*) и т.д.

4. Автономия: группа выполнила все функции, необходимые для ее сохранения, т.е. аграрное производство, военные, судебные и другие функции (9).

Отличительной особенностью *йэ* была присущая ей ориентация на достижение, обусловленная ее военизированным характером. Каждая *йэ* должна была всегда быть готовой к предупреждению вторжения со стороны соседей. Таким образом, в начале индустриализации японцы уже достаточно привыкли к ориентируемой на достижение организации.

При этом Я. Мураками отмечает, что адаптация принципа *йэ*-типа к современной экономической организации стала видимой лишь на второй стадии индустриализации, то есть после I Мировой войны. На рубеже XIX—XX вв. индустриальный мир в целом входил в эпоху «организованного капитализма». В период классического капитализма XIX в. организационный принцип не мог играть существенной роли.

Именно в XX веке организованный капитализм востребовал организационную традицию Японии, разработанную в предшествующее время. В 1920-х гг. индустриальная структура в Японии сделала большой сдвиг по сравнению с прежней системой. Тогда же возникла «японская система управления», характеристики которой корреспондируют с характеристиками *йэ*-организации:

1. Вечное продолжение и расширение: стремление избегать ликвидации фирмы любой ценой и избегать увольнения рабочих.

2. Kintractship: пожизненная занятость, то есть рабочий остается в фирме до предписанного срока отставки; склонность принимать на работу новых дипломированных специалистов.

3. Баланс иерархии/однородности: продвижение как в заработной плате в зависимости от статусного роста. Акцент на обучение на рабочем месте в маленьких групповых модулях. Высокая профессиональная подвижность в пределах каждой фирмы (поддерживаемая обучением на рабочем месте). Низкий барьер между беловоротничковыми и синеворотничковыми рабочими.

4. Автономия: система благосостояния внутри фирмы. Фирменные профсоюзы. Ограниченное влияние акционеров [10].

Итак, мы коснулись трех проблем, дальнейшая теоретическая и эмпирическая разработка которых сулит расширение познавательных возможностей модернизационного подхода. Углубленное исследование предмодерных состояний создает почву для объяснения многовариантности перехода от традиционного к современному обществу. Внимание к социокультурным факторам и измерениям модернизации обеспечивает углубленное понимание динамики трансформаций. Исследование интегративных механизмов позволит создать более полные реконструкции сложных процессов перехода от традиционного к современному обществу. Использование теоретических возможностей, вытекающих из анализа указанных проблем, придает в целом большую историчность модернизационному исследованию, в рамках которого дихотомическое представление смены традиционности современностью замещается постепенным многовариантным вращением традиционных структур в модерное социальное пространство.

-
1. Sjoberg G. Folk and "Feudal" Societies // *Political Development and Social Change* / Ed. by J.L. Finkle and R.W. Gable. N.Y.; London, 1966. P. 45—53.
 2. Apter D.E. The Role of Traditionalism in the Political Modernization of Ghana and Uganda // *Political Development and Social Change*. P. 66—67.
 3. См.: Smelser N. *Toward a Theory of Modernization* // Etzioni A. and Etzioni E. (eds.) *Social Change: Sources, Patterns, and Consequences*. New York: Basic Books, 1973. P. 268—284; Idem. *The Modernization of Social Relations* // *Modernization. The Dynamics of Growth*. N.Y.; L., 1966. P. 110—121;
 4. См.: Smelser N. *Toward a Theory of Modernization* ... P. 271; Idem. *Social Change in the Industrial Revolution*. Chicago, 1959. P. 2.
 5. Murakami Ya. *Modernization in Terms of Integration: The Case of Japan* // *Patterns of Modernity* / Ed. by S.N. Eisenstadt. London, 1987. Vol. II: *Beyond the West*. P. 65—88.
 6. Ibid. P. 73.
 7. Ibid. P. 73—74.
 8. Ibid. P. 80—81.
 9. Ibid. P. 81.
 10. Ibid. P. 83.